

Бог Все Видит

Тяжелое, иссиня-серое небо словно придавило землю. Мерзкая и слякотная погода. Дорога грязной лентой тянулась вдаль, машины, рыча и ворча, пронеслись мимо, обдавая грязными брызгами. День не задался. Каждое утро я прибегаю к этому мусорному баку, чтобы унять эту резкую боль в желудке. Баба Маня тщательно перебирает содержимое контейнера и угощает всех: меня, худого собачонка с облезлым хвостом, двух котов, серого и рыжего, голубей и даже ворон. Сегодня еда была скудной, скользкой и холодной, ночью мороз усилился. Боль немного ушла, но тревога и беспокойство остались, как и прежде, чувство ненужности просто сжигает. Моя неприкаянность никого не задевает и не огорчает. Я лишний среди них. Самое неприятное место на дороге к еде - перекресток. Нужно четко знать, когда можно переходить и следить за людьми, они, как правило, знают. Глаза стали сильно слезиться, иногда просто ничего не вижу. В эти мгновения лапы наливаются свинцом и с трудом несут в сторону от опасности, подстерегающей на каждом углу. Я давно не обижаюсь на свою судьбу. Смирненно тащу свой худой зад по задворкам и ни на кого не надеюсь. Особенно на людей. Баба Маня - исключение, добрая душа. Мне ведь нужно совсем малость, чуть пожрать и чтобы по голове погладили. А потом я могу лежать в сторонке долго-долго и никого не беспокоить. Вчера еле ноги унес от бригады собакологов. Черные души, дай Бог не попасть к ним в лапы. Почему-то все считают, что мы только и думаем, как бы кого порвать. Нам просто теплоты не хватает. А жестокость... она появляется как реакция на испытанную жестокость. Тут - зуб за зуб. Опять заныло в животе, не к добру это. Чую.

Сегодня погода получше, солнце изредка проглядывает сквозь рваные тучи. Мне совсем плохо. В желудке - тяжелый кирпич, в глазах - картинка затуманена. Утром не пошел к баку, баба Маня не дождалась. С трудом бреду к пруду. Просто захотелось глянуть на воду. Вот и насыпь, и шпалы заводской железки. Поезда по ней редко ходят, торопиться нет нужды. Когда-то легко перемахивал через эту преграду. Теперь нужно приложить все силы. Щебень под ногами уходит, лапа съезжает, рельс удивительно высокий. Ну, еще чуть-чуть...

Он лежал, свернувшись "калачиком", поджав хвост и положив голову на лапы, занимая минимум пространства на этой земле. Глаза закрыты, на морде - выстраданное смирение. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, перед нами лежит самое несчастное существо на белом свете. Маленькое тельце со сбившейся шерсткой, потертостями и шрамами повествовало о нелегком пути, пройденном этим бедолагой. Он лежал мордой в сторону пруда под старым вязом рядом с . Последний взгляд был брошен на заросли пруда берега со стороны Смолянки, а перед этим он посмотрел на небо глазами, которые, казалось, вместили в себя всю серо-голубую глубину его, увидел растерзанные ветром облака и обратился к Творцу: "Ты же один у нас, и для людей, и для собак, прими меня убогого, нет больше сил жить. Устал безмерно, отдаю себя в Твои руки".

Прошло 4 года с того дня, как я увидел его. Он исчез с этого места. Все это время, проходя мимо, вспоминал то выражение смирения и покорности, которое выражала его мордаха и сердце непроизвольно сжималось. Этой весной разглядел в траве выбеленный, вымытый дождями череп. Прикопал. Посадил два ореха. Будет ему память.

Р. Кишкань
Донецк, апрель 2016